T32
620

Z32 620
44196
XV-r115

Неустрашимый герой

Донской казакъ

Кузьма Крючковъ

и его славныя побѣды надъ врагами, какъ онъ одинъ убилъ 11 нѣмцевъ.

МОСКВА,—1914 г.

232 620 Брош. I 94.

Неустрашимый герой

ДОНСКОЙ КАЗАКЪ

КУЗЬМА

КРЮЧКОВЪ

и его славныя побѣды надъ врагами, какъ онъ одинъ убилъ 11 нѣмцевъ.

4916 XV-mm.

МОСКВА,
Типографія П. В. Бѣльцова, Чистопрудный проѣздъ, д. № 14,
1914 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
631962

Неустрашимый герой донской казакъ Кузьма Крючковъ, который одинъ убилъ 11 нѣмцевъ, а самъ получилъ 16 ранъ, за этотъ геройскій подвигъ Крючковъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Пословица вѣрно говоритъ „война родитъ героевъ". И вотъ фактъ на лицо: давно-ли началась война, а уже появились и Георгіевскіе кавалеры, т. е герои, которые заслужили эту высокую честь.

Вотъ что разсказываютъ товарищи по оружію Кузьмы Крючкова, объ этомъ славномъ боѣ, въ которомъ такъ храбро отличился ихъ землякъ. Казачій полкъ, въ которомъ служилъ Кузьма Крючковъ, былъ отправленъ небольшими отрядами на развѣдку. Въ каждомъ отрядѣ было по шести и болѣе человѣкъ.

Ребята всѣ отважные, но до Кузьмы Крючкова далеко, онъ какой-то неустрашимый, хотя и мы всѣ нѣмца ни черта не боимся, а наоборотъ, очень рады, что Богъ привелъ намъ съ этимъ пугаломъ подраться, и насыпятъ-же ему наши донцы, долго помнить будетъ... За то и онъ нашего брата-казака страхъ не любитъ, бѣжитъ какъ чертъ отъ ладона. Да какъ отъ насъ и не бѣжать, вѣдь нѣмецъ хорошо знаетъ, какъ съ казаками повстрѣчался, такъ и говори, что отжилъ на бѣломъ свѣтѣ... Нѣмцы, какъ наши пики завидятъ, такъ и давай Богъ ноги или скорѣе сдаваться въ плѣнъ.. Трусливы какъ косые зайцы, а хитры, какъ лисицы, но да насъ не проведешь, такъ и случилось на сей разъ.

Отрядъ, въ которомъ находился Кузьма Крючковъ, благополучно перешелъ границу. Непріятеля нигдѣ не было видно. Мало-помалу отрядъ углубился въ Пруссію.

Въ небольшой рощѣ казаки заночевали.

Всю ночь мы провели безъ сна за небольшимъ огонькомъ, весело разговаривая между собою.

Кузьма Крючковъ только и говорилъ:

— Эхъ ребята, какъ руки чешутся, скорѣй бы съ нѣмчурой встрѣтиться, такого имъ жару подпущу, что небу будетъ жарко, по парѣ на пику буду сажать, а разохочусь, такъ и по пятку не сорвутся! — Говоритъ, а самъ пикой, что палочкой играетъ, ловкачъ такой, что въ полку мало, а товарищъ такой, что и говорить нечего, душа человѣкъ.

Такъ прошла ночь, Крючковъ все время говорилъ, что сегодня онъ если придется поработать, поточитъ свою пику о нѣмецкія спины, а то малость потускнѣла... Да и всѣ мы горѣли страшно подраться съ нѣмчурой, ужъ очень мы на него злы, вѣдь мы и раньше слышали, что они проклятые никому на свѣтѣ покою не даютъ, все драться хотятъ, все пушки отливаютъ, Цеппелины строятъ, корабли, крѣпости укрѣпляютъ и всѣмъ грозятъ, что предъ ними будто ни кто не устоитъ, анъ не тутъ-то было, самъ то нѣмчура проклятая только держись, въ прахъ разнесемъ... а французы, а англичане, тѣ ему такого звону дадутъ, что на вѣки оглохнетъ... такъ-то.

Такъ мы дождались разсвѣта.

Утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ показался разъѣздъ прусской кавалеріи.

Сначала казаки насчитывали всего 10 нѣмецкихъ всадниковъ.

Старшій казакъ съ нарочнымъ послалъ объ этомъ донесеніе начальству.

Черезъ нѣкоторое время опредѣлилось, что къ прусскому разъѣзду присоединился другой. Теперь нѣмцевъ было уже 27 человѣкъ.

Старшій отправилъ донесеніе, что казаки намѣрены заманить нѣмцевъ къ мѣсту расположенія русской пѣхотной части.

Выполнить это взялись оставшіеся послѣ отправки нарочныхъ четыре казака: Астаховъ, Крючковъ, Щегольковъ и Иваньковъ.

Когда пруссаки приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, казаки спѣшились и открыли огонь.

Офицеръ, начальникъ нѣмецкаго отряда, что-то скомандовалъ. Прусскіе кавалеристы начали быстро удаляться.

Тогда казаки вскочили на коней и съ гиканьемъ помчались на непріятеля.

Среди пруссаковъ произошло замѣшательство.

Они всѣ засуетились, точно мыши въ мѣшкѣ, а это нашему брату-казаку и на руку... мы этого только и ждали, смѣхота глядѣть, вояки, а пикъ казацкихъ хуже черта боятся... Гдѣ ужъ имъ воевать, сидѣли-бы дома, пили бы пиво, да закусывали своими тухлыми сосиськами, а то воевать.

Завидя насъ нѣмцы завопили благимъ матомъ, точно ихъ рѣжутъ.

— Каштаны, каштаны!..

Такъ пруссаки, какъ оказалось, называютъ русскихъ казаковъ.

Кузьма Крючковъ на своей рѣзвой лошади обогналъ товарищей и первый врѣзался въ непріятельскій отрядъ.

Подоспѣвшіе остальные казаки на мгновеніе увидѣли Крючкова окруженнаго пруссаками и размахивающаго своей шашкой направо и налѣво.

Отъ взмаховъ Крючкова отъ пруссаковъ только пыль летѣла, кто держался за голову, кто валился съ лошади, кто что-то бормоталъ визжа какъ поросенокъ, словомъ суматоха была невообразимая, а Крючковъ среди нихъ носился орломъ, отражая враговъ направо и налѣво, только слышалось, какъ лязгалось желѣзо, да летѣли искры отъ жестокихъ мѣткихъ ударовъ.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Затѣмъ, люди и лошади,—все смѣшалось въ общей свалкѣ.

Битва шла жестокая. Крючковъ, то точно выростал, то вновь исчезалъ среди непріятелей.

Вдругъ, случайно одинъ изъ нашихъ казаковъ замѣтилъ, какъ въ этой жестокой свалкѣ къ Крючкову протискивается сверкая глазами прусскій офицеръ съ обнаженной шашкой.

Моментъ трагическій. Казакъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Раздался выстрѣлъ и прусскій офицеръ какъ снопъ повалился на земь.

Битва кипѣла.

Крючковъ моментально выхватилъ винтовку и хотѣлъ было выстрѣлить въ прусскаго унтеръ-офицера.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное...

Прусскій унтеръ-офицеръ ударилъ вдругъ Крючкова саблей по рукѣ и разсѣкъ ему пальцы, Крючковъ выронилъ изъ рукъ винтовку.

Но Крючковъ не струсилъ, онъ моментально выхватилъ шашку, какъ то весь взметнулся, шашка мелькнула въ воздухѣ и ударила по головѣ унтеръ-офицера. Съ пруссака слетѣла каска, видимо шашка скользнула по ней.

Новымъ, неожиданнымъ ударомъ Крючковъ разсѣкъ унтеръ-офицеру шею, тотъ ухватился за горло, по рукамъ его хлынула кровь, а Крючковъ продолжалъ свое дѣло, носясь какъ орелъ среди перепуганныхъ птицъ.

Оставшись безъ начальниковъ враги растерялись, между ними произошла паника, они не знали что имъ дѣлать и готовились дать стрекача къ своимъ, но не тутъ-то было, наши въ это время не дремали, да и Крючковъ не зѣвалъ.

Завязалась новая схватка, пруссаки-трусы одинъ за другимъ начали было удирать, но имъ въ догонку летѣли пули и трусы падали съ коней, какъ подстрѣленныя куряты.

Два пруссака набравшись смѣлости съ пиками набросились на Крючкова, пытаясь выбить его изъ сѣдла, но Крючковъ сидѣлъ крѣпко. Изловчившись онъ схватился за непріятельскія пики, рванулъ ихъ съ молодецкой силой къ себѣ и пруссаки горошкомъ оба слетѣли съ коней.

Вырвавъ у нихъ пики, Крючковъ снова бросился въ отчаянный бой... Да, вотъ эта была схватка, такъ схватка.—Непріятельскія пики ломались какъ перышки, а сами они были хуже мокрыхъ курицъ... хотя тоже и хорохорились, напускали на себя храбрости, только ничего изъ этого не вышло.

Прошло нѣсколько минутъ,— и изъ 27-ми пруссаковъ, сражавшихся съ 4-мя донскими казаками, остались на коняхъ только три, которые какъ трусливые зайцы обратились въ дикое бѣгство.

Остальные были убиты и ранены.

Да и трое бѣглецовъ врядъ-ли остались живы, по-

тому что мы въ провожатыя имъ пускали мѣткія пули, а казацкая пуля зря не летаетъ.

Не смотря на то, что Крючковъ былъ раненъ, онъ получилъ 16 ранъ, рука его разрублена шашкой, за то онъ одинъ уложилъ 11 нѣмцевъ, и до конца славнаго боя оставался въ строю.

Вотъ какъ объ этомъ славномъ и неустрашимомъ героѣ, донскомъ казакѣ Кузьмѣ Крючковѣ, оповѣстилъ весь міръ телеграфъ:

ВИЛЬНА. Командующій арміей телеграфно поздравилъ атамана войска Донскаго съ награжденіемъ первымъ Георгіевскимъ крестомъ арміи казака хутора Нижній Калмыковъ, гордости Устьхоперской станицы, Кузьмы Крючкова, который одинъ убилъ одиннадцать нѣмцевъ, получивъ 16 ранъ пикой въ себя и 11 въ лошадь. Крючковъ поправляется.

Подвигъ казака Крючкова.

ПЕТЕРБУРГЪ. Сообщаютъ слѣдующія подробности молодецкаго дѣла донскаго казака Кузьмы Крючкова, о которомъ недавно говорилось въ телеграммахъ. Вмѣстѣ со своими товарищами онъ замѣтилъ нѣмецкій разъѣздъ въ 22 всадника. Выждавъ время, Крючковъ съ гикомъ бросился на непріятеля и, сидя на хорошемъ, рѣзвомъ конѣ, раньше всѣхъ врѣзался въ гущу нѣмецкихъ кавалеристовъ. Вертясь волчкомъ среди враговъ, онъ первымъ ударомъ свалилъ начальника разъѣзда, а затѣмъ, несмотря на полученныя раны, продолжалъ рубить направо и налѣво. Когда у него, уже слабѣвшаго отъ ранъ, выбили шашку, онъ выбилъ у кого-то пику и, то защищаясь, то нанося удары, продолжалъ этотъ неравный бой. Подоспѣвшіе товарищи быстрымъ натискомъ обрушились на многочисленнаго противника и послѣ непродолжительнаго боя обратили оставшихся въ бѣгство. Страшно израненнаго героя-казака безъ всякой помощи доставили на мѣсто стоянки своей сотни.

Кузьма Крючковъ — красивый молодой человѣкъ, ему только 25 лѣтъ, средняго роста, но очень крѣпкаго тѣлосложенія. Вотъ что онъ самъ лично разсказываетъ о своемъ геройскомъ поступкѣ:

— Четверо нашихъ, — говоритъ Крючковъ, — 12 верстъ гнались за 27-ю нѣмцами, пока не пригнали ихъ въ болото, возлѣ котораго и началась схватка.

Меня окружили 11 человѣкъ. Пиками выбили у меня винтовку и этимъ самымъ обезоружили, такъ какъ шашкой ихъ достать нельзя было, а пики со мной не было. У одного нѣмца мнѣ удалось вырвать его пику.

Такіе же герои и три товарища Крючкова — Астаховъ, Щегольковъ и Иваньковъ.

Всѣ они также изранены.

Астаховъ убилъ офицера, предводителя разъѣзда, и нѣсколькихъ солдатъ.

Изъ 27-ми нѣмцевъ, которыхъ преслѣдовали 4 героя, въ живыхъ остались только трое, которые и убѣжали въ лѣсъ, расположенный недалеко отъ мѣста схватки.

Астаховъ носитъ на рукѣ и свой трофей — спортсменскіе часы, снятые съ убитаго имъ офицера.

Вмѣстѣ съ Крючковымъ онъ также возвращается въ армію.

Односельчане о Кузьмѣ Крючковѣ говорятъ такъ:

— Всѣ Крючковы храбрецы! такая ужъ семья, а Кузьма храбрѣе всѣхъ!

Среди своихъ хуторянъ вся семья Крючковыхъ пользуется заслуженной репутаціей домовитыхъ и религіозныхъ людей.

Отъѣздъ Кузьмы Крючкова въ армію.

На дняхъ отбылъ въ дѣйствующую армію, въ сопровожденіи своихъ товарищей, первый георгіевскій кавалеръ казакъ Кузьма Крючковъ. На вокзалѣ герою-казаку были устроены торжественные проводы, и публика качала его и товарищей на рукахъ. Мѣстное общество поднесло ему крупный денежный даръ.

Подарки Кузьмѣ Крючкову.

Дирекція Русско-Азіатскаго банка по подпискѣ собрала необходимую сумму денегъ и подноситъ золотую казачью саблю 1-му георгіевскому кавалеру настоящей войны, казаку Крючкову.

Сотрудниками „Новаго Времени“ и „Вечерняго Времени“ подносится шашка казаку Кузьмѣ Крючкову, зарубившему въ бою одиннадцать нѣмцевъ.

Шашка отличной работы, съ прекрасными украшеніями на ножнахъ и на клиникѣ.

На ней выгравировано: „Удальцу Кузьмѣ Крючкову отъ газетъ „Новое Время“ и Вечернее Время“.

Наши доблестные казаки, всегда отличались геройствомъ, но въ эту войну они отличаются особенно. Ниже приведенные примѣры вполнѣ подтверждаютъ намъ это:

Двое казаковъ противъ Австрійской колонны.

Въ „Кіевлянинѣ“ одинъ землевладѣлецъ Волынской губерніи, земскій гласный Козинъ такъ описываетъ набѣгъ австрійцевъ на его имѣніе.

— Въ моемъ имѣніи, находящемся на австрійской границѣ,—разсказываетъ господинъ Козинъ,—служатъ полевыми сторожами два казака, осетинъ Зонтіевъ и черкесъ Біевъ.

Сторожа эти вооружены кинжалами, кромѣ того, у каждаго изъ нихъ есть шашка и браунингъ.

27 іюля, въ $1^1/_2$ часа дня, казаки замѣтили наступленіе австрійской пѣхоты.

Подпустивъ непріятеля они открыли стрѣльбу изъ браунинговъ.

Австрійцы, не расчитывавшіе встрѣтить здѣсь сопротивленіе, растерялись.

„Храбрые" нѣмцы рѣшили, что лѣсъ занятъ русскими войсками и начали отступать.

Молодцы—казаки, продолжая стрѣльбу, выбили изъ строя девять австрійцевъ, а затѣмъ донесли коменданту о наступленіи австрійцевъ.

Въ это время выяснилось, что наступаютъ съ другой стороны еще двѣ роты австрійцевъ, присоединившіеся къ отступавшей колоннѣ.

Комендантъ далъ Біеву 25 всадниковъ.

Обойдя австрійцевъ, Біевъ ударилъ въ тылъ и заставилъ ихъ отступить.

Оба казаки представлены къ наградѣ за геройскій подвигъ.

Для примѣра приведемъ еще одинъ случай:

4 августа, въ 7 ч. утра, пятая австрійская пѣхотная дивизія, оттѣснивъ наши разъѣзды, атаковала Красникъ. Всего австрійцы развернули до трехъ полковъ пѣхоты и четырехъ батарей. Послѣ подхода подкрѣпленія наши войска отбили непріятельскій охватъ и перешли въ наступленіе, взявъ въ плѣнъ шесть офицеровъ и около 250 солдатъ. Бой закончился въ 7 час. 30 мин. вечера. Ночью австрійцы поспѣшно отступили. Потери непріятеля очень велики. У Городка сѣверо-восточнѣе Пусятина австрійская кавалерійская дивизія послѣ пятичасового боя отступила въ разстройствѣ, преслѣдуемая казаками.

Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много и они всѣ одинъ краснорѣчивѣе другого говорятъ объ удивительномъ геройствѣ русскихъ казаковъ.

Какъ донскіе казаки отправлялись на войну.

Былъ прекрасный іюльскій вечеръ; отъ скошенныхъ луговъ тянуло ароматомъ душистаго сѣна... отъ озеръ по лощинамъ тянулся сизый туманъ и растилался серебристой парчей по низинамъ.

Гдѣ-то кричалъ коростель и перепелъ точно отчеканивалъ свою излюбленнуюоднообразную „спать-пора".

Но селеніе далеко еще не хотѣло спать. Молодые казаки собравшись въ кружокъ подъ веселые звуки гармоники ухарски отжаривали плясовую.

Вдали, за околицей звенѣла пѣсня. Это послѣ трудового дня веселились дѣвицы... ихъ звонкіе голоса то замирали, то высоко поднимались надъ станицей и летѣли въ голубую высь... а златотканный коверъ вечерняго неба былъ чарующе красивъ.

Старики хлопотали по дому.

Вдругъ на концѣ селенія показался курьеръ. Онъ мчался на быстроногомъ конѣ, ухарски заломивъ на бекрень головное украшеніе. Конь былъ въ мылѣ, видимо всадникъ поторапливалъ добраго коня, застать еще людей не въ постели.

Гонца мигомъ обступили молодые казаки, посыпались вопросы:

— Что привезъ? говори добрый челоовкъ.

Прочитали и засыпали его вопросами:

— Да ты миляга откуда?

— Изъ окружной.

— Значитъ, это вѣрно? Радостно подхватили казаки.

— Да, что это братцы такое? любопытствовали у товарищей другіе, которые не знали въ чемъ дѣло.

— Вотъ что, мобилизація братцы! Война!

— Война?!.

— Да.

— Ура! Ура! Прокатилось по станицѣ восторженное привѣтствіе.

Изъ хатъ повылѣзли старики и старухи, отъ околицъ прибѣжали красавицы-дѣвушки.

Старики съ любопытствомъ спрашивали, почему это молодежь кричитъ „ура“. Дѣвушки тоже приставали къ парнямъ съ разспросами.

Станица ожила. Небольшое зданіе станичнаго правленія, тоже встрепенулось. Десятки голосовъ кричали и шумѣли, люди волновались. Словомъ, доставленная гонцомъ бумага сдѣлала свое дѣло, станица была оживлена какъ въ праздникъ. Люди ходили радостные, веселые и серьезные.

Долго за полночь шумѣла станица. Много было высказано мѣткихъ словъ, по отношенію „врага“. Старики вели серьезные дѣловые разговоры. Дѣвушки тоже не спали и также принимали живое участіе въ бесѣдахъ.

Вездѣ горѣли огни, только послѣ вторыхъ пѣтуховъ селеніе успокоилось.

Чѣмъ свѣтъ все селеніе уже было на ногахъ и теперь всѣ знали, что Россія будетъ воевать; и также знали, что войну вызвалъ „проклятый нѣмчура“.

Къ полудню всѣ округа знали объ этой вѣсти, только и разговоровъ было, что о предстоящей войнѣ.

— Стою это я съ отцомъ у амбара, вдругъ гляжу гонецъ съ флагомъ! У меня отъ радости ажно сердце запрыгало, „ну, говорю, отецъ, я тебѣ больше не работникъ, я теперь царевъ воинъ! – вонъ гляди“... Отецъ это повернулъ голову въ сторону гонца, снялъ это фуражку, три раза перекрестился, да и говоритъ: и я

тоже... а у самаго глаза и забѣгали—вмѣстѣ говоритъ Остапъ, врага рубить будемъ!.. Обнялъ это меня и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ... Матушка глядя на насъ хотѣла это было въ слезы, а отецъ и говоритъ:

— Что ты глупая, да мы этой вѣсточки насилу дождались, мохомъ всѣ отъ скуки обросли... теперь хоть о вражью спину пики поточемъ! И у матушки вмѣсто слезъ появилась улыбка, она отцу и говоритъ:

— Да нешто я сгоревалась, я отъ радости плакать хотѣла, что вы мои родимые опять героями будете, съ крестами на груди вернетесь, георгіевскими кавалерами...

Отецъ отъ такихъ словъ запрыгалъ, какъ молодой и давай цѣловать матушку, а потомъ и я тоже, ужъ больно она насъ обрадовала.

— Я сейчасъ же бросилъ работу и бѣгомъ пустился домой. Досталъ это я свою амуницію, первымъ дѣломъ отточилъ шашку, да такъ братцы, что острѣе бритвы стала, волосы на рукѣ бреетъ... А потомъ принялся за пику, ну, думаю, голубушка, придется тебѣ поработать, вражьи ребрушки посчитать...

— А ты знаешь Остапъ съ кѣмъ мы воевать то будемъ? Спросили словохотливаго разскащика товарищи.

— Эвано! Съ нѣмчурой поганой! Эхъ, ужъ и поточу я свою пику объ ихъ бритые затылки! Только держись, ужъ больно у меня на него руки чешутся... Бывало промахнешся это пикой на чучелѣ, а командиръ и говоритъ: ой, Остапъ, такъ будешь нѣмца колоть, онъ тебя за это чайкомъ угоститъ... Съ той поры ужъ я маху не даю, и такъ вѣрно прокалываю чучельнаго нѣмца, что даже самому любо дорого смотрѣть... Это вѣдь только чучело, ну, а съ живыми то я съ ними еще лучше расправлюсь, однимъ взмахомъ десятокъ уложу!

— Ай-да Остапъ, молодчина! Ура, ура-а!

И такъ по всему селенію народъ собрался въ кучки и велъ оживленныя бесѣды; не слезъ, не печали, точно люди собирались не на войну, а какой либо веселый праздникъ.

Съ появленіемъ объявленія объ мобилизаціи, можно бы кажется думать другое, какъ молъ люди оставятъ хозяйство, не убранныя поля, семьи... Но объ этомъ кажется ни кто и не думалъ, а у всѣхъ на лицахъ выражалось одно: „скорѣй въ бой"... Молодежь и старики смѣялись, шутили надъ затѣянной безумной войной и, собираясь въ кружокъ, запѣвали:

Ужъ мы нѣмцевъ разуважемъ,
По губамъ имъ саблей смажемъ,
И отточеннымъ штыкомъ,
Носъ Вильгельму мы утремъ...
Мы по Пруссіи пройдемся,
Чаю въ Страсбургѣ напьемся,
А обѣдать, какъ одинъ,
Всѣ отправимся въ Берлинъ...

Словомъ, на селеніи былъ настоящій праздникъ. Многіе пожимали другъ другу руки и крѣпко цѣловались.

Многіе трунили надъ стариками, что ихъ оставляютъ съ бабами кашу варить.

Старики на это серчали и храбро говорили:

— Ну, поглядите и мы у батюшки Царя будемъ на войну проситься...

— Да куда вамъ! Сидите у насъ лучше на печи, да считайте кирпичи, какіе вы теперь вояки... вамъ и на лошадь не влѣзть... полеживайте-ка лучше на мягкомъ сѣнѣ!..

Но старики съ этимъ были не согласны, многіе тутъ же на глазахъ молодежи молодецки вскакивали на коней и вихремъ проносились мимо изумленной толпы.

— Ай-да старики! Ура-а! Гремѣли голоса молодыхъ казаковъ.

Одинъ казакъ уже съ просѣдью, появился передъ толпой молодежи съ пикой въ рукѣ, и съ конемъ въ другой.

— Ну-ка, поглядите-ка сынки, я вамъ свою былую удаль покажу. Съ этими словами онъ какъ мячъ вспрыгнулъ на коня, гикнулъ, ударилъ коня и тотъ вихремъ помчался по дорогѣ. На обратномъ пути онъ бросилъ пику наземь и на полномъ ходу лошади снова схватилъ ее съ земли.

Молодежъ была въ восторгѣ и устроила ему шумную овацію, многіе подходили къ нему, жали ему руку и крѣпко цѣловали, а онъ сіяющій, говорилъ:

— Казацкая удаль не умираетъ, стоитъ только казаку напомнить о войнѣ и онъ дѣлается молодымъ.

На эти правдивыя слова вновь гремѣло восторженное ура... а онъ продолжалъ.

— А рубку-то я лучше молодого знаю, мало-ли я покрошилъ враговъ на своемъ вѣку, а вамъ молодымъ еще учиться надо!

— Ничего, научимся, мы тоже въ этомъ дѣлѣ маху не дадимъ—летѣли въ отвѣтъ голоса, а пожилой казакъ все не унимался.

— Война, братцы, великая вещь, она молодитъ нашего брата, а ужъ особенно эта война, съ нѣмчурой... Я, кажется, одинъ бы сейчасъ на десятерыхъ ихъ проклятыхъ пошелъ. Ужъ больно я ихъ не люблю... зазнались такъ сапатые, что и приступу нѣтъ... на русскаго глядятъ, какъ на раба... ни въ грошъ русскихъ не цѣ-

нятъ... а вѣдь проклятые и живутъ-то нами, на нашей шеѣ брюхо ростятъ, капиталы наживаютъ и туда же фардыбачутъ!.. Свиньи, больше ничего! Охъ ужъ и достанется же имъ бритоголовымъ, долго помнить будутъ казацкія пики!..

— А ты дядя Кузьма видалъ когда нѣмцевъ-то?

— Ну, вотъ еще, сказалъ... Надоѣло этихъ поросятъ сторожить по-заграницамъ то... теперь и поколоть охота... ужъ больно я не люблю ихъ бритые затылки, такъ и хочется это шашкой по немъ поиграть... а голову на пику, на, молъ, полюбуйся какой ты есть красавчикъ...

Такъ начались первые дни мобилизаціи. Всѣ казаки горѣли однимъ желаніемъ:

„Поскорѣй бы въ бой!“ А по вечерамъ гремѣла залихватская пѣсня:

„Ужъ мы нѣмца разуважемъ“...

Да, духъ воинственности еще долго будетъ жить въ славныхъ казакахъ.

А эта великая, священная война много уже дала славныхъ, непобѣдимыхъ героевъ въ видѣ Кузьмы Крючкова... а сколько еще ихъ впереди?..

Россія заслуженно можетъ гордиться такими сынами—героями, воскормившая ихъ на своей могучей любвеобильной груди!..

Честь и слава казакамъ!

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЦЕНА 10 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
А. Д. САЗОНОВА

ЦѢНА 10 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
А. Д. САЗОНОВА.
МОСКВА,
Лубянская площ., Китайскій проѣздъ, д. Человѣколюбиваго О-ва, №№ 24—25. Тел. 1.09-04.
Отдѣленія:
Зарядье, М. Знаменскій пер., д. Знаменск. м-ря.
Нижегородская ярмарка, Шоссе, № 62-64